

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В ПРИКЛАДНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» В РАМКАХ ПОЛЕВОГО СЕМИНАРА ФАКУЛЬТЕТА АНТРОПОЛОГИИ ЕУ СПБ

Для цитирования:

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В ПРИКЛАДНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» В РАМКАХ ПОЛЕВОГО СЕМИНАРА ФАКУЛЬТЕТА АНТРОПОЛОГИИ ЕУ СПБ (2019). *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 416–430. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-416-430.

Прикладные исследования антропологов, востребованные в сферах бизнеса, управления, городского развития, пока что остаются для российской действительности новой и не всегда понятной в своих методах областью. Как антропологу выполнить требования заказчика, не нарушая профессиональной этики и сохраняя безопасность личных данных своих информантов? Участники дискуссии разбирают примеры ситуаций, в которых антрополог-прикладник оказывается в уязвимом положении, а также обсуждают возможные способы решения подобных проблем.

Ключевые слова: прикладная антропология, прикладные исследования, этика полевых исследований

“PROFESSIONAL ETHICS IN APPLIED ANTHROPOLOGY: THEORY AND PRACTICE”. DISCUSSION DURING THE FIELDWORK WORKSHOP OF THE DEPARTMENT OF ANTHROPOLOGY, EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG

TO CITE:

“PROFESSIONAL ETHICS IN APPLIED ANTHROPOLOGY: THEORY AND PRACTICE”. DISCUSSION DURING THE FIELDWORK WORKSHOP OF THE DEPARTMENT OF ANTHROPOLOGY, EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG (2019). *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, II(3–4), 416–430. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-416-430. (IN RUSSIAN).

Applied anthropological research is in demand in Russian business, administration and urban development. In spite of this, its methodology is still often unclear to Russian employers and is perceived as somewhat ‘sociology-like’. This idea can lead to conflicts between employers’ expectations and anthropologists’ professional ethics. How can an anthropologist fulfill employers’ requirements while avoiding violation of professional ethics and preserving the security of their informants’ personal data? Discussants analyze some ethically dubious situations in which applied anthropologists might find themselves vulnerable, and attempt to find possible solutions to these problems.

Keywords: applied anthropology, ethics of fieldwork, applied research

ВСТУПЛЕНИЕ ИНИЦИАТОРА СЕМИНАРА

В одном из своих недавних прикладных антропологических проектов я впервые столкнулась с ситуацией, когда у меня требовали полные расшифровки интервью. Положение, в котором под угрозой, с одной стороны, была дефицитная исследовательская позиция в университете со стабильным доходом, а с другой — один из центральных профессиональных догматов, было уязвимым. Поскольку в России прикладная антропология — новое направление, никакого формального эффективного механизма для защиты себя, своих профессиональных принципов и своих информантов у меня не оказалось.

Решение этических и организационных проблем, которые возникают в таком случае, оказалось настолько неочевидным, что мы с Еленой Лярской решили в конце апреля 2020 года в рамках регулярного полевого семинара ЕУ СПб провести обсуждение разных сложных ситуаций, в которых оказывается антрополог, проводящий прикладное исследование. Однако в наши планы вторглась эпидемия коронавируса, и из-за перевода образовательных учреждений на дистанционный режим семинар пришлось перенести в Zoom¹. Эта вынужденная мера открыла неожиданные возможности — к семинару присоединились не только сотрудники ЕУ, но и коллеги из других городов. Дискуссия велась не только вслух, но и — параллельно — в чате Zoom. Получившееся обсуждение оказалось настолько насыщенным, что мы решили продолжить его на страницах научных журналов, а для начала — опубликовать расшифровку нашей дискуссии, по возможности отразив в ней особенности онлайн-коммуникации. *Юлия Аматуни*

УЧАСТНИКИ:

Модератор: Елена Лярская (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия).

Докладчики:

Юлия Аматуни (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия),

Маргарита Чубукова (Группа прикладных антропологов «Артель», Москва, Россия),

Георгий Медвинский (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия).

Дискутанты: Николай Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Штефан Дудек (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Дарья Радченко (Российская академия народного хозяйства и государственной

---

¹ Платформа для онлайн-коммуникации.

службы при Президенте Российской Федерации; Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия), Анастасия Карасёва (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Александра Касаткина (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия), Никита Петров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Добрый день, коллеги. Большое спасибо всем, кто подключился, и отдельное спасибо тем, кто согласился сегодня выступить вместе со мной — Егору Медвинскому, выпускнику факультета политических наук и социологии, и нашей выпускнице Маргарите Чубуковой, которая провела исследование об особенностях прикладной антропологии и согласилась сегодня поделиться его результатами. Порядок будет такой: сначала я расскажу о своем кейсе, потом дам слово Егору и Рите. Как упоминалось в анонсе доклада, в моей практике был случай, когда у меня требовали расшифровки интервью.

Я работала в государственном университете в одном из исследовательских центров. В определенный момент с подачи коллеги по университету (не сотрудник центра и не социальный исследователь) центр стал работать над одним городским проектом. Сразу оговорюсь, коллега по университету, обратившийся к директору центра за экспертизой, был крайне ангажированным и лично заинтересованным в деле: он много лет проживал в исследуемом районе и имел там репутацию активиста. Жесткая иерархичность государственного университета часто не подразумевала прозрачности в коммуникации о договоренностях директоров, поэтому детали планируемой отчетности мне были неизвестны. Устно было оговорено, что по результатам исследования создается аналитическая записка, и, возможно, проведение проектировочных сессий.

В исследовании применялся комплексный подход, но центральной была качественная методология. Я и еще один сотрудник центра (также антрополог) сами искали информантов, проводили глубинные интервью. Но в середине проекта произошла смена кадров в центре: уходит сотрудник, с которым мы проводили исследование, и директор. К концу проекта к процессу вновь подключились коллега по университету и бывший директор: они стали требовать от меня не просто аналитической записки или расширенного комментария результатов исследования, но расшифровки интервью и данные информантов. Я никогда с таким не сталкивалась. Было непонятно, почему директор считал, что по-прежнему имеет права на этот проект: данные исследований центра — собственность университета, а в университете он больше не работает. Также были неясны основания, на которых коллега по университету мог требовать материалы.

У нас были очень долгие сложные переговоры: меня обвиняли в том, что я утаиваю информацию, что я отказываюсь сотрудничать.

Мне говорили, что «опросы на улицах — это не интеллектуальная собственность», и поэтому я должна все передать. Он ссылаясь на опыт каких-то предыдущих исследований и говорил, что «всегда все давали все исходники» (эти исследования и характер вовлеченности в них мне не известны). У моего собеседника не было понимания, чем отличаются анонимные опросы на улице и глубинные интервью с информантами, количественные и качественные исследования. Мне же казалось совсем невозможным передать исходники. Было сложно представить себе, как я могла анонимизировать интервью для настолько включенного в контекст человека. Если бы я вырезала какие-то данные, которые потенциально могли бы быть опасными для моих информантов — в расшифровках остались бы сцены приветствия и прощания и, может быть, пара междометий. У меня не было пространства для лавирования: человек не являлся безопасной фигурой, с которой можно было бы поделиться данными. Даже в процессе разговора о результатах исследования он периодически спрашивал: «Ну кто вам это сказал, ну скажите мне, ну давайте!». И в ходе этой истории я постоянно ловила себя на мысли, что даже и не важно, кто этот человек, насколько включен или не включен в контекст — это сторонний человек, который не имеет прав на эти данные. Я не прибегала к отсылкам на закон о персональных данных. Но кажется, что могла — не уверена, может быть, коллеги подскажут, потому что там нужно отдельное соглашение, которое мои информанты не подписывали.

Когда я начала обо всем этом думать, я поняла, что было бы хорошо иметь какой-то документ, пусть не имеющий юридической силы, к которому я могла бы отправить этих людей, грозившихся испортить мне работу в институции. Документ, где объяснялось бы, что это не моя блажь и что антропологи действительно так работают: вот наши этические требования, и защита персональных данных наших информантов — это одно из них. Я обратилась к гайдам существующих ассоциаций прикладников. Вот, например, гайд NAPA² в первую очередь ориентирован на профессиональное антропологическое сообщество. Прикладник в этом гайде балансирует между двумя принципами — «не навредить» и «принести пользу», он должен оценивать риски и эффект, который исследование может оказать на всех участников проекта. При этом вопросы о природе «пользы», как ее принести, кому, и кто оценивает сделанное как «пользу», в сущности, оставлены там на личное усмотрение антрополога («если это не навредит — принеси пользу»). Все эти осторожные и пространственные формулировки выросли в том числе из скомпрометированной репутации прикладных исследований в американской (и не только) традиции. Разговор об этической теории прикладника в поле — большой и значимый, заслуживает отдельного семинара. Но я бы хотела также инициировать обсуждение возможных практических решений для описанных

---

² The National Association for the Practice of Anthropology (NAPA) — секция the American Anthropological Association (AAA), основанная в 1983 году. Речь идет об Этическом кодексе Ассоциации, который был принят в 2018 году [Guidelines for Ethical Practice 2018].

ситуаций. Мне кажется, что у российской прикладной антропологии самостоятельной репутации пока нет. Когда ведется какой-то городской проект, иногда кажется, что заказчику не так важны результаты исследования, сколько факт проведенного исследования, потому что это современный престижный элемент западного подхода к городскому развитию. Но при этом антрополог по-прежнему является фигурой, загадочной не только для информантов, но и для заказчиков, которые не видят большой разницы между антропологами, социологами и кем-нибудь еще (в центре, где я работала, мою должность иногда так и обозначали — «антрополог-социолог»).

И вот те вопросы, которые в анонсе я указывала как начальные для обсуждения:

1. Создание публичного документа (манифеста?), утверждающего методологические особенности и основные этические принципы качественных исследований в прикладных проектах;
2. Может ли этот документ лишить статуса нормативной практику безответственной передачи личных данных?
3. Может ли документ-декларация профессиональной этики служить инструментом для укрепления доверия с заказчиками и исследуемой группой?
4. Практические рекомендации при заключении договора на исследование: на что обращать внимание, на что претендовать (например, право исследователя на использование полученных данных в некоммерческих целях);
5. Формы отчетности в прикладных исследованиях: «полевой дневник» и «интервью» в глазах заказчика и в глазах исследователя, необходимость строгого определения форм отчетности до начала исследования;
6. Отчуждение материалов: особенности форм соглашения о передаче персональных данных;
7. Анонимизация данных: кто и на каком этапе должен (и должен ли) это делать.

Конечно, обсуждение не замыкается этими вопросами и не заканчивается на них. И я сейчас уже поняла, что они — про две истории. Вопросы с первого по третий — про документ, какой-то аналог манифеста, этического гайда. Но вопросы, которые я к этому документу задавала бы и задаю, подразумевают, что этот документ ориентирован не столько на профессиональное сообщество, сколько вовне. То есть может ли подобный документ служить своего рода инструкцией к прикладным антропологам: чем мы руководствуемся, как мы работаем, и как он должен быть составлен в таком случае. Чтобы в спорных ситуациях на этот документ можно было бы ссылаться.

Вопросы с четвертого по седьмой больше про практические решения. Стоит ли такие вопросы более активно включать в образование антропологов? Организовывать более интенсивные беседы, юридически подковывать, чтобы антропологи, которые выпускаются и начинают работать

в поле, знали, что они имеют право требовать, на что нужно обращать внимание. Некоторый такой практический гайд уже для внутреннего пользования.

Сейчас передам слово Егору, а потом Рите: Рита как раз, наверное, все это систематизирует и обобщит.

ГЕОРГИЙ МЕДВИНСКИЙ: Добрый день. Моя история скорее не про этику исследования, а про практические рекомендации при заключении договора на исследование. Моему заказчику — участнику конкурса на благоустройство малых городов Министерства строительства Российской Федерации — все нужно было срочно. ТЗ они мне прислали не сразу, и по срокам их ТЗ исследование уже фактически началось. То есть как только они со мной связались, я должен был уже выезжать в поле. На подготовку к полю у меня не было времени. Хотя поле по ТЗ начиналось 2 декабря, фактически я туда выехал 6-го, вернулся через 8 или 9 дней. В ТЗ также было написано, что должен был быть промежуточный отчет, и он по дате фактически совпадал с датой моего возвращения в Петербург. Финальный отчет по ТЗ им нужен был уже 27 декабря.

Все договоренности были устными и в телеграм-чате. За несколько дней до финального отчета мне пишут: «А почему вы ничего не присылаете?». Выяснилось, что 26-го они хотели от меня кроме отчета какую-то презентацию для заказчика. То есть за два дня до отчета они стали требовать какие-то промежуточные данные. Естественно, у меня все было в сыром виде. Я им сказал, что пока не готов ничего показывать. Они настаивали. Я отправил им предварительный текст, на что они мне недовольно пишут: отсюда никакой полезной информации не взять. Они попросили меня также загрузить аудиозаписи интервью. Им нужны были какие-то яркие цитаты для их промежуточного отчета. Я был удивлен такой реакцией: я их предупреждал, что это еще сырой черновик. Я его удалил (это все через Google.Диск было) и пишу: у меня дата сдачи 27-е число, и такое отношение никуда не годится — ждите, 27-го все пришлю.

Да, надо сказать отдельно про собственно поле. У меня была изначально устная договоренность о том, что им нужно, и частично она была прописана в ТЗ. С самого начала были выставлены нереалистичные требования по количеству интервью — просто невозможно столько сделать физически одному человеку в поле. Там был предварительный список информантов, но было понятно, что он не удовлетворяет требованиям ни, собственно, ТЗ, ни нормального антропологического городского исследования. То есть поиск информантов тоже требовался. И к тому же им еще требовались наблюдения за городской средой — на это тоже нужно было время. У нас также было совершенно разное понимание полевого дневника. Я действовал по методу Клиффорда Гирца — насыщенное описание, — а им требовался почти школьный дневник: с кем во сколько встречался, что конкретно этому человеку нравится, что не нравится и несколько цитат из интервью, прямо свежих из поля.

Главная проблема была в том, что у меня не был фактически составлен трудовой договор с ними. Соответственно вопрос с деньгами тоже был оговорен не до конца: я до самого последнего момента не был уверен, что они мне заплатят и когда. И проблемой стало не до конца сформулированное ТЗ: чем более сжатые сроки, тем более четко должно быть расписано ТЗ. В процессе полевого исследования они тоже меняли требования. Звонили и говорили: так, нам нужны подростки, срочно переключайся на подростков. Я меняю план, иду на подростков. На следующий день: «Нам срочно нужны предприниматели». Я срочно ищу предпринимателей, ну и так далее.

ШТЕФАН ДУДЕК (вопрос в чате): А уточните, что такое ТЗ?

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Рита, мне кажется, случай Егора — он, может быть, классический в плохом смысле? Или я драматизирую?

МАРГАРИТА ЧУБУКОВА: Здравствуйте, коллеги. Юлия, спасибо за приглашение выступить. Сначалаотреагирую на ситуацию, сложившуюся у Георгия. К сожалению, все бывает очень по-разному, конечно, но все-таки, когда у тебя накапливается даже небольшой опыт ведения подобных проектов, ты понимаешь, что без договора, без обсуждения ожидаемых результатов исследования, кто бы ни рекомендовал заказчика, ты больше не работаешь. Стараешься максимально все прояснить на старте: для этого сначала интервьюируешь заказчика, определяешь, что он от тебя хочет, а затем уже приступаешь к исследованию.

Свой доклад, посвященный этике исключительно в городских прикладных проектах, я приготовила по мотивам статьи для журнала «Фольклор и антропология города» [Чубукова 2019], поэтому остановлюсь здесь лишь на основных моментах, чуть подробнее задержусь на вопросе, связанном с передачей данных заказчику. Предварительно поясню, почему еще взяла на себя роль докладчицы. С 2017 года более или менее постоянно работаю в прикладных исследованиях, и недавно мы с коллегами даже условились завести собственное бюро, которое, с нашей точки зрения, поможет не только формализовать собственную деятельность, но и в том числе, надеюсь, справляться с этическими трудностями.

Как правило, у городских проектов есть определенный таймлайн: старт, реализация и запуск нового или обновленного объекта/пространства. На каждом из этих этапов может быть привлечен антрополог, и на каждом из этих этапов (предпроектное исследование, исследование-тестирование концепции и получение обратной связи) он может сталкиваться со специфическими этическими трудностями. Очень интересным мне кажется альметьевский кейс Никиты Петрова [Петров 2019], который включает в себя сразу несколько этапов.

Также мне кажется важным указать на то, что антрополог может выступать в разных ролях в прикладном исследовательском проекте. Он может напрямую общаться с заказчиком (архитектором или градостроителем, например), глубже погружаясь в проблемы городского развития, а

может занимать немного «второстепенную» роль, работая в качестве дополнительного приглашенного исследователя. В результате разной степени «вовлеченности» в проект разные категории антропологов сталкиваются с различным спектром этических проблем.

Сделав эти два предварительных замечания, можно отметить, что в целом прикладные антропологи сталкиваются с тремя типами этических сложностей. Они возникают в поле взаимодействия с информантами, с заказчиками и непосредственно со своими коллегами.

Наиболее ощутимые сложности при общении с информантами связаны с тремя проблемами. Во-первых, с отсутствием гарантий — мы совершенно не знаем, что произойдет с проектом на следующем этапе, и не можем ни за что поручиться. Во-вторых, с тем, что представление некоторых заказчиков информантам закрывает исследователю путь в «поле». В-третьих, с тем, что мы не можем «контролировать» сказанное информантами под запись, а аудио или расшифровки при этом нередко приходится сдавать заказчику.

Общаясь с заказчиком, иногда приходится сталкиваться со следующим рядом проблем. Первое — это проблема выбора фокуса исследования (его определяет заказчик, оставляя за пределами внимания значимые, с точки зрения антрополога, моменты) и проблема априорного представления заказчика о «правильном» развитии проекта. Принципы оформления результатов исследования в отчетном документе тоже неочевидны, их нужно обсуждать. Наконец, существует проблема ценообразования на собственные услуги.

Вопрос передачи собранных данных заказчику также оказывается неоднозначным и одновременно касается работы и с информантами, и с заказчиком. Как брать интервью под запись? Как их анонимизировать, расшифровывать, цитировать? Даже если мы предупреждаем информанта о записи, он все равно может увлечься и рассказать что-то «лишнее». В то же время, сдавая отчетные документы, мы перестаем контролировать, что с ними дальше происходит. У меня складывается впечатление, что всегда необходимо ориентироваться на ситуацию, в которой мы находимся. Каждый заказчик и проект уникален, и нужно подстраиваться под обстоятельства, отдавая себе отчет в том, зачем в каждом из конкретных случаев требуется «голос» исследуемого сообщества. Легко представляю себе, как в одном случае я буду приводить согласованные с информантом развернутые экспертные цитаты, а в другом — дам реплику в пересказе с максимально размытыми возрастными и профессиональными характеристиками своего собеседника.

В то же время нужно помнить о некоторых ловушках, обходить которые пока тоже не совсем понятно, как. Как упомянул Георгий, заказчику, например, иногда нужны цитаты. Они позволяют авторам проекта легитимировать те или иные решения, а нам подтверждать правомерность своих умозаключений. И если мы стараемся подтвердить цитатами свои наблюдения системно, то заказчик может выбирать лишь «приглянувшиеся» реплики.

Что касается взаимодействия с коллегами и возникающих при этом неоднозначных моментов, то, как мне кажется, важна, если можно так сказать, — соностройка. Все члены исследовательской команды должны отчетливо понимать, что прикладное исследование не тождественно академическому, в нем много упрощений и ограничений. С этими условиями необходимо либо согласиться, либо отказаться от участия в проекте. И даже пытаясь выйти из роли академического исследователя, все равно долгое время испытываешь сложности в связи с необходимостью разработки рекомендаций, вплоть до этических. С этим необходимо работать.

Сегодня в условиях карантина на первый план выходят онлайн-исследования, этические проблемы в этой области, конечно, тоже возникают. Их можно как-то отдельно обсуждать, мне кажется, потому что уже довольно много сказано. Спасибо.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Спасибо большое.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Юлия, а вы подведете как-то итог?

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Если бы он был. Моя история и история Егора — разные: Егор был вовлечен в классический городской проект, а я на постоянной основе работала в университете, с которым у меня получилась противостояние. В этом конкретном проекте у меня не было формального заказчика, договора, дополнительных выплат (только зарплата), но была вот эта фигура внутри университетской иерархии, против которой не было инструментов защиты. В общем, мне кажется, что Рита хорошо показала основной пул вопросов, которые, может быть, нужно обсуждать отдельно. Думаю, этот доклад — первый срез, показывающий, какие проблемы есть. Я уверена, что тут много людей, которые тоже могут что-то подсказать. Так что давайте перейдем к вопросам.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Вы совершенно правы — это не на один семинар обсуждение, потому что ваши коротенькие презентации приоткрыли целый ящик Пандоры этических проблем, связанных с прикладными исследованиями. Вы очень красиво показали все вместе, как антрополог оказывается между заказчиками и информантами, и со всеми ему нужно налаживать отношения. Давайте попробуем сосредоточиться на вопросе, как мы оказываемся этим самым буфером, который защищает информантов.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Юлия сказала, что заказчик исследования требовал от нее личных данных информантов, и при этом Юлия же сказала, что он не понимал, чем ее работа отличается от анонимного опроса. Эти два утверждения, мне кажется, сильно противоречат друг другу, и из этого просто следует, что мы имеем в данном случае дело с человеком недобросовестным, который заказывает научное исследование, а в реальности преследует какие-то совершенно другие цели. Видимо, вот это и есть то самое исследование для галочки, о котором говорила Маргарита. Здесь, как мне кажется, какие бы то ни

было документы, кодексы и так далее бессильны. Что касается второго Юлиного вопроса — какими документами можно защититься, то мне кажется, что закона о защите персональных данных достаточно для того, чтобы от такого рода нападений можно было защититься. Персональные данные определяются как любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, с помощью которой он может быть идентифицирован. Мне кажется, уже этого одного достаточно для того, чтобы сказать любому не очень добросовестному заказчику: хотите платить штрафы — платите, а я не буду. И второй документ, на который можно сослаться — это профессиональный кодекс социолога [Профессиональный кодекс социолога], где есть пункт, что социолог обязан исходить из права респондентов на анонимность. Мне кажется, этих двух документов уже вполне достаточно для того, чтобы защититься от любого заказчика, хотя, конечно, это всегда конфликт.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: По поводу первого вашего комментария: скорее важно здесь то, что «заказчик» — городской активист с инструментами власти. Людям, которые заказывают исследования «для галочки», как раз все равно — они не будут читать эти интервью, им нужен какой-нибудь коротенький отчет. Здесь ситуация была другой. Для меня вопрос безопасности информантов встал настолько остро потому, что я понимала — у него были вполне конкретные интересы, и это может привести к угрозе для информантов.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Я-то как раз имел в виду ровно то, что вы говорите — что человек заказывает исследование, результат которого он заранее знает, и он требует именно такого результата. То есть не просто чтобы была бумажка, которой можно размахивать, а чтобы в этой бумажке еще было написано то, что мы хотим.

АЛЕКСАНДРА КАСАТКИНА (ответ в чате): Спасибо Штефану, что обратил внимание на термин «техническое задание», который для его незамыленного немецкого уха звучит в сфере антропологических исследований странно, а мы, видимо, уже привыкли. Между тем, ТЗ пришло к нам из области технического проектирования, и хотя, судя по Большой советской энциклопедии, еще в советское время применялось к НИР («научно-исследовательским работам»), в обиходе у гуманитариев отсутствовало. Сейчас ТЗ активно используется, кажется, везде, где есть заказчики и исполнители: среди дизайнеров, программистов, рекламщиков... и с выходом антропологов на рынок услуг технических исполнителей пришло и к нам. Каким образом эта категория из технократического дискурса способна переформатировать антропологическое исследование? Думается, этот вопрос заслуживает хорошего эмпирического исследования. В примерах, которые обсуждаются здесь, ТЗ оказывается камнем преткновения в отношениях заказчика и антрополога: «Вы не выполнили ТЗ», — «В ТЗ этого не было». ТЗ, однако, по сути дела представляет собой инструмент для перевода нужд заказчика на технический язык исполнителя. К примеру, написание хорошего ТЗ для программиста — это отдельная задача,

которая требует особых навыков и сама по себе дорого оплачивается. Думается, антропологи, эти мастера культурного перевода, могли бы превратить это свойство ТЗ себе на пользу. Каким могло бы быть ТЗ, которое переводит нужды заказчика в категории антропологического исследования? Может быть, если бы антрополог подошел к составлению ТЗ как к процессу перевода, те этические и технические проблемы, которые обсуждаются здесь, могли бы решаться уже на этом этапе?

ШТЕФАН ДУДЕК: Сначала я не совсем понял, в чем именно состояла угроза для информанта в кейсе Юлии. И насколько наша обязанность — это делать результаты наших исследований доступными публично, быть прозрачными в наших методах и в наших результатах, когда есть определенные опасности для информанта (по принципам open science). Я сначала думал, что здесь больше проблема в вопросах авторских прав и интеллектуальной собственности. И есть вопрос об информированном согласии. В описанных кейсах исследователь сам не владеет полностью информацией о том, что за проект, какие возможны последствия для того сообщества, в котором проводится этот проект. Как вообще работать в такой ситуации, когда мы сами не знаем, к чему потенциально может вести такой прикладной проект, как исследователь может получить информированное согласие от участников такого проекта? И вот для меня откроется довольно большое поле вообще причин для, может быть, отказа от участия в таких проектах.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Я начну, наверное, с последнего — как получать согласие в таких условиях, я не знаю. Начинался этот проект довольно неплохо: речь шла о том, чтобы потом конвертировать результаты этого исследования в записку для архитекторов, чтобы они смогли их учесть. Но потом из-за перестановок в центре и включения этого активиста с инструментами воздействия на меня как раз и возникли сложности. Но я, как во всех моих исследованиях, брала согласие на запись интервью. Больше ни на что согласия я не брала. Наверное, стоило бы. Второй вопрос — про интеллектуальную собственность. Он стоял не так остро, я была готова результаты своего исследования передавать дальше архитекторам. Для меня просто была шоком сама ситуация.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: Мне кажется, что предмет нашей дискуссии разваливается на две части. Это, с одной стороны, защита анонимности и вообще интересов информанта, а с другой стороны — защита интеллектуальной собственности и права на тот продукт, который мы производим в результате прикладного исследования. В том, что касается защиты информанта, как мне кажется, закон о персональных данных нам не очень помогает, потому что он требует, чтобы, если мы сообщаем о том, что мы защищаем данные, мы были оператором персональных данных. Это влечет совершенно четкие юридические следствия, связанные со сбором данных, с хранением данных и так далее. Как правило, ни один из нас таким оператором не является. При этом закон о персональных данных подразумевает, что речь идет о четкой идентификации человека — обычно это имя, фамилия, отчество, дата

рождения и так далее. Но он совершенно не решает нашу проблему: у нас вполне возможна ситуация, когда мы обозначаем только имя и фамилию или имя и возраст информанта, но сообщество такое узкое, что и по этим данным его смогут опознать, и для него возникают какие-то риски. И мне кажется, что эти вещи имеет смысл оговаривать с самого начала исследования. Действительно, к сожалению, в России, нет этических гайдлайнов в области прикладной антропологии — потому, что нет, наверное, сообщества, которое готово было бы выдвинуть такие гайдлайны. Нас защищают исключительно те документальные договоренности, которые достигнуты с заказчиком. Но, как мне кажется по опыту, расшифровку начинают требовать в двух случаях: во-первых, в том случае, если действительно заказчик не видит никакой этической проблемы и никакой разницы с массовым опросом: раз нам дают цифры после массового опроса — дайте нам и расшифровку интервью. Это и вопрос интеллектуальной собственности заказчика, который заплатил за определенный продукт и считает материалы проекта своей собственностью, имеет право ими распоряжаться. Во-вторых, когда заказчик не очень доверяет антропологу, и ему кажется, что из расшифровок он сам сможет выжать больше, чем антрополог, который подготовил отчет. Но на самом деле любителей читать сотни страниц расшифровок очень мало. Задача заказчика — получить из них ту информацию, которая ему реально нужна. И здесь, возможно, имеет смысл прямо задать вопрос: «А зачем вам расшифровки? Что еще вы хотите узнать, что нужно уточнить? Давайте я вам в этом помогу». Как правило, это совершенно нормально работает.

АНАСТАСИЯ КАРАСЁВА: Рита, ты упомянула, что есть сейчас идея у вас создать свое бюро. Планируете ли вы какие-то инструменты для решения вот этих проблем с информантами, о которых ты говорила? Спасибо.

МАРГАРИТА ЧУБУКОВА: Юлия упоминала ситуацию возвращения блага информантам, и это нам хочется включить в практику, потому что здесь тоже есть некоторый этический момент. Когда ты работаешь с заказчиком, то все результаты ты передаешь заказчику. Но при этом бывают и такие случаи — например, я беру интервью у архитектора, который работает в малом городе, и он говорит: «Ну вот вы делаете исследование по всему городу — у нас никто такого не делал, вы можете нам передать эти материалы?» И действительно очень хотелось бы как-то то, что уже проделано нами, передавать локальному сообществу.

И еще по поводу расшифровок. Бывает и так, например, что наш заказчик — не последнее звено, и за ним есть еще один уровень. И нашему заказчику нужно отчитаться перед вышестоящим лицом или организацией и показать, что это исследование действительно было. Эти расшифровки никто не будет читать, но они нужны для отчетности.

АЛЕКСАНДРА КАСАТКИНА: Я столкнулась с похожей проблемой внезапно в контексте исследовательского проекта, а вовсе даже не прикладного и не коммерческого, в момент, когда я осознала, что не

могу контролировать будущее собранных мной интервью, потому что должна передать их в публичный архив, а архив еще не создан, и его проект изменяется по ходу дела. Тогда я испытала очень схожие чувства. Вы наверняка знаете, что эта проблема существует не только в прикладных социальных науках, но и в академических, потому что некоторые фонды переняли ту же самую логику и сейчас требуют предоставления полевых данных в обмен на финансирование — называется public funding. И про это есть большая дискуссия в социологических журналах, которая длится примерно с середины 1990-х годов. И там есть разветвленная аргументация про то, почему расшифровки интервью передавать не нужно и бессмысленно. Я про это писала обзорную статью [Касаткина 2016]. Но я понимаю, что, наверное, ваших заказчиков эти академические и философские аргументы едва ли убедят. И в связи с этим, собственно, мое соображение: когда мы попадаем в такие клещи, то для нас этика из нашего, так сказать, выстраивания отношений с информантами превращается в поиск того, кто будет отвечать за происходящее, и мы иногда начинаем думать уже просто о том, как спасти свою шкуру. Если мы в такой ситуации подписываем информированное согласие с информантом, то мы должны сознавать, что мы перекладываем на его плечи ответственность за то, что произойдет дальше. Мы просто посредники между ним и нашим заказчиком. И в документе должен быть телефон заказчика, которому он может позвонить и все высказать. Даже если мы сами информированы недостаточно, как совершенно правильно сказал Штефан, по крайней мере мы можем дать информанту канал связи, чтобы он получил больше информации. Либо действительно, заключая договор с заказчиком, мы можем полностью взять на себя роль щита и тогда железобетонно прописывать, что никакие расшифровки и аудиозаписи мы не отдаем. Потому что тогда это уже, как Дарья сказала, вопрос доверия — вы верите нам как экспертам, как специалистам, зачем вам наши сырые материалы?

НИКИТА ПЕТРОВ: В этом году мы делаем большое исследование, которое заказывает близкая к правительственным кругам организация, где предусмотрена совершенно другая система оплаты. Обычно мы договариваемся только о том, сколько суммарно делаем интервью, сколько за это платится. А они хотят всю информацию — вплоть до личных данных информанта. Ну, проблему анонимизации мы решили, но оплата происходит только после предоставления текстовых расшифровок интервью. Думая об этом и понимая ту дискуссию, о которой говорила Саша, я придумал вариант решения этой проблемы. Я вписал в смету дополнительную работу «сценаристов» — это те люди, которые редактируют интервью и убирают оттуда практически все личные моменты, которые могут навредить информанту и по которым можно будет их идентифицировать. Таким образом мы предоставляем тексты, где есть только информация, которая напрямую касается целей проекта. Расшифровки остаются у нас. Это удорожает само исследование, но в целом это легитимный способ никому не показывать расшифровки.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Спасибо большое. А можно сразу вопрос: а заказчик готов на это?

НИКИТА ПЕТРОВ: У нас было около пяти встреч с заказчиком, где, понятно, нам очень сложно объяснять, почему мы не можем предоставлять данные интервью, но в конце концов мы выяснили, что заказчику нужна на самом деле не личная информация, а обобщенная, и утвердили, что именно мы убираем из интервью. Они даже согласились на то, чтобы смету увеличить. Но эта модель срабатывает при условии доверительных отношений между заказчиком и нами. И я готов потом показать набор правил, по которым происходит такое редактирование.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: А расшифровки от нас иногда действительно требуют в рамках формального бухучета, когда нужны свидетельства того, что эти работы были на самом деле произведены. Или компания учитывает то, что у нее будет проходить аудит в какой-то момент, и уже аудитор затребует эти расшифровки — тоже не для того, чтобы их читать, а для того, чтобы удостовериться в реальности оказанной услуги. И здесь, конечно, ход Никиты мне кажется очень интересным.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Получается, что есть некоторый набор ситуаций, начиная от академических, кончая прикладными, когда по разным основаниям от нас требуют передачи расшифровок интервью, и нам всегда сложно объяснить логику, по которой мы их не отдаем. Наша изначальная с Юлей посылка заключалась в том, что нам нужно иметь текст, в котором бы мы объясняли эту логику и к которому мы могли бы отсылать — декларация корпоративной этики. Потому что во многих случаях, когда мы что-то делаем, мы ставим себя под угрозу как корпорацию. У заказчика часто нет представления, что это за наука такая, чего от нас ждать. Нас на одном проекте спрашивали: «Вы вообще наука какая? Вы можете быть такой наукой, которая расскажет, что мы хорошо работали»? И тоже говорили: «А вы дайте нам ваши интервью».

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: Мне кажется, что для того, чтобы этот документ существовал и пользовался каким-то доверием, нужна, собственно, организация, которая создает этот документ и говорит: все антропологи, которые входят в эту организацию, придерживаются вот такого кодекса. Просто подвешенная в воздухе, она, я боюсь, не будет работать — она должна работать на авторитете какой-то конкретной организации. И тогда у заказчика будет выбор: либо вы работаете с антропологами, которые входят в эту организацию и придерживаются этих гайдлайнов, и принимаете, что у них есть вот такие ограничения. Ну, потому что, грубо говоря, если антрополог, который входит в эту организацию, не придерживается кодекса, это имеет для него какие-то институциональные последствия. Ну, вплоть до, я не знаю, исключения из этой организации. Или вы ищете каких-то антропологов, которые туда не входят, и готовы на любые варианты. Или нужно разрабатывать какие-то конкретные этические гайдлайны в рамках отдельного университета, отдельных исследовательских центров, компаний, антропологических бюро и так далее.

НИКИТА ПЕТРОВ: Таких ассоциаций у нас в России несколько, хотя их мало, а некоторые находятся на стадии создания — например, Московское фольклорно-антропологическое общество. Когда оно будет создано, можно будет от его имени публиковать такой меморандум. Но мы можем запустить эту дискуссию на страницах журналов, выработать некоторый набор статей или текстов, на который потом мы уже сможем опираться при создании большого текста меморандума.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Да, мы планировали в «Антропологическом форуме» обсудить этот вопрос.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Мне кажется, это здорово, если мы сможем начать дискуссию сейчас и обязательно продолжить дальше на страницах журналов. Всем большое спасибо.

Литература

- Касаткина, А. К. (2016). На пути к открытым качественным данным. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 7(51). Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840001678-4-1>
- Петров, Н. В. (2019). Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск. *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 74–105.
- Профессиональный кодекс социолога. Российского Общества Социологов*. Режим доступа: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=73
- Чубукова, М. А. (2019). Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города. *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 134–153.
- Guidelines for ethical practice (2018). *National Association for the Practice of Anthropology*. Retrieved from <https://www.practicinganthropology.org/practice/ethics/>

References

- Professional code of sociologists of the Russian Society of Sociologists*. Retrieved from https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=73 (In Russian).
- Kasatkina, A. (2016). On the way to open qualitative data. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*, 7(51). Retrieved from <http://history.jes.su/s207987840001678-4-1> (In Russian).
- Chubukova, M. (2019). The problem of responsibility: Ethical complications in applied research in urban anthropology. *Urban Folklore & Anthropology*, II(3–4), 134–153. (In Russian).
- Guidelines for ethical practice (2018). *National Association for the Practice of Anthropology*. Retrieved from <https://www.practicinganthropology.org/practice/ethics/>
- Petrov, N. (2019). Local urban text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almetьевsk. *Urban Folklore & Anthropology*, II(3–4), 74–105. (In Russian).